

Ляоу посмотрел на Чжун Юня, но останавливать его не стал. Хотя Чжун Юнь делал успехи в боевых искусствах, он слишком мало времени посвятил изучению секретных техник. Расправиться с мелкими прихвостнями Демонического культа он мог, но тягаться с самим Главой культа ему было не под силу.

Ляоу остался доволен тем, что лицо юноши не дрогнуло, сохранив привычное спокойствие. Он почти не обратил внимания на девушку, вцепившуюся в рукав Чжун Юня. Человек, посвятивший себя служению Будде, должен уметь отбрасывать лишние мысли и не поддаваться влиянию извне. Старый монах внимательно наблюдал за Чжун Юнем и заметил, что, кроме одержимости боевыми искусствами, того, похоже, ничего не интересовало. Видимо, именно это и произошло с ним во время странствий.

Хотя воины праведных сект были напуганы мастерством Янь Луна, никто не спешил отступать: бегство означало бы позор перед собратьями и другими школами. Люди из Демонического культа всегда считали праведников лицемерами, но иногда от этих лицемеров была польза. Впрочем, сейчас ноги у них дрожали, и никто не решался вступить в бой первым.

Мастер Ляоу не выдержал: он не мог безучастно смотреть, как гибнут его соратники. Главы других сект, видя, как тают ряды их учеников, тоже не могли сохранять хладнокровие. Хотя в делегациях и были такие юноши, как Чжун Юнь, которых взяли для опыта, большинство составляли элитные ученики. А раз их взяли с собой, значит, они занимали не последнее положение в своих школах.

Увидев, что старшие мастера вступили в схватку, остальные воины, словно обезумев, бросились на Янь Луна. Даже Тань Юйвэй не выдержала и потянула Шан Сююня за собой. Не успел Шан Сююнь сделать и шага, как несколько мастеров один за другим упали на землю рядом с ним.

Все они, объединив усилия, не смогли выстоять и против одного удара Янь Луна. Шан Сююнь понимал, что такая мощь вызвана лишь неконтролируемым выбросом внутренней силы из-за одержимости демоном. Если бы поток энергии успокоился, Янь Лун все равно остался бы силен, но не до такой чудовищной степени. И все же Шан Сююнь невольно перевел дыхание.

В книге это описывалось парой строк: «Используя силу одержимости, он уничтожил девять из десяти праведников». Но только оказавшись лицом к лицу с Янь Луном, понимаешь, насколько он силен и опасен. Раньше Шан Сююнь думал, что выживание зависит от мастерства, и что мастер Ляоу точно спасется. Теперь же стало ясно: выживание — вопрос везения. И он не был уверен, что сам окажется в числе счастливых.

Шан Сююнь поспешил наклониться и поддержать мастера Ляоу. В душе его поселился страх. При характере Ляоу он ни за что не сбежит, но как им выжить под натиском Янь Луна?

Не успел он додумать, как перед глазами потемнело, а в ушах раздался испуганный вскрик девушки. Он почувствовал, как что-то тяжелое навалилось на него, прижимая к земле. Единственное, что он мог сделать — это собрать остатки внутренней силы, чтобы смягчить удар и минимизировать повреждения. Но внутренняя сила, исходившая от тяжелого тела, была

слишком велика, чтобы он мог ей противостоять. Сознание угасло.

Кто же спас его в той суматохе? В голове возник образ Тань Юйвэй. Если это была она, то он остался в неоплатном долгу.

— Мастер, вы очнулись! Я сейчас же доложу молодому господину. Отдыхайте, скоро придет лекарь Лю, чтобы осмотреть вас, — в комнату вошла девушка в желтом платье. Ее наряд был сшит искусно: выглядел скромно, но каждое движение подчеркивало изгибы ее фигуры. Однако в комнате находился лишь мужчина, далекий от подобных соблазнов.

Молодой господин? Значит, его спасла не Тань Юйвэй. Если его не забрали свои, а спас кто-то другой... Кто же этот человек?

Увидев этого господина, Шан Сююнь невольно восхитился. Мужчина был статен, его рост достигал ста девяноста сантиметров. Шан Сююнь, который в обеих жизнях предпочитал образ утонченного интеллектуала, никогда не стремился к такой внушительной внешности, но и зависти не испытывал.

— Благодарю вас за спасение, господин, — Шан Сююнь попытался приподняться, но тело не слушалось. Он сложил ладони вместе, выражая признательность.

— Не стоит. Мы все люди цзянху, лучше иметь лишнего друга, чем врага, — ответил мужчина. На его лице не было и тени улыбки, лишь холод. Резкие, словно высеченные из камня черты лица идеально сочетались с этим выражением.

— Ами табха, — Шан Сююнь подумал, что монашеское приветствие — вещь универсальная, сродни современному «хе-хе». Его можно использовать в любой ситуации, и никто не заподозрит неладное.

— Я Лун Янь, хозяин этого дома. Если что-то понадобится, прикажите служанке передать мне.

Хе-хе... Шан Сююнь прозрел за секунду. Кто еще мог с такой легкостью его спасти, кроме как сам Янь Лун? Лун Янь... неужели так трудно придумать нормальное имя? Это был псевдоним, который Янь Лун взял, когда только познакомился с Чжун Юнем. Тогда Янь Лун только покинул Демонический культ и ничего не понимал в мирской жизни. Если бы Чжун Юнь не помог ему деньгами, ему пришлось бы долго торчать перед борделем. Хотя, возможно, он бы просто сжег это заведение дотла.

Именно благодаря тому, что Чжун Юнь спас Янь Луна, он и не погиб в своих прошлых странствиях, не вернулся в Шаолинь с тяжелыми ранами, и вся дальнейшая история не случилась бы...

Хотя Янь Лун изменил лицо с помощью маскировки, его фигура и очертания костей были точно

такими же, как в воспоминаниях Чжун Юня. Зачем же он спас его? Разве Янь Лун не хочет, чтобы все предатели умерли? Будучи заядлым любителем подобных драм, Шан Сююнь не верил в исцеление злодея. Может, он хочет видеть, как тот мучается? Как в романах — умереть от рук того, кто тебе дороже всего?

— Амиабха. В ближайшие дни буду утруждать вас, господин, — Шан Сююнь сохранял полное спокойствие.

Янь Лун скользнул взглядом по его бледному лицу. Длинные волосы исчезли, на макушке виднелись отметины от прижиганий — явное отличие от прошлой жизни. Неужели Чжун Юнь действительно смог отказаться от своей привязанности к Тань Юйвэй? В глазах Янь Луна промелькнуло сложное чувство, которое тут же исчезло.

Янь Лун небрежно взял бумаги, принесенные подчиненными, и просмотрел их от начала до конца. Все события из жизни Чжун Юня с момента его первого выхода из монастыря были описаны в деталях. Оставалось лишь поразиться мощи Демонического культа. Впрочем, в любую эпоху существовали организации, промышлявшие торговлей информацией.

Его пальцы, покрытые легкими мозолями, сжали край листа, и бумага превратилась в пыль. Порыв ветра — и от нее не осталось и следа. Стоявший рядом охранник в черном склонил голову еще ниже. В его глазах читались почтение, фанатизм и явный страх. Люди Демонического культа подчинялись сильным и трепетали перед ними.

В этот момент в комнату вошла девушка в белом, неся поднос со сладостями. Даже в самой чистой одежде ее изысканное лицо не казалось святым. Это была Хань У, одна из четырех Защитников Дхармы. Она была невероятно соблазнительна, а платье едва скрывало изгибы ее тела. Даже такая красавица смотрела на Янь Луна с нескрываемым обожанием.

Она двигалась почти бесшумно — мастер боевых искусств. Янь Лун не обращал на нее внимания; для него Демонический культ был лишь полезной пешкой. Даже если бы он разрушил его, ему не составило бы труда создать новый.

Не удостоив Хань У взглядом, он посмотрел на девушку в желтом, следовавшую за ней.

— Как там мастер?

Услышав вопрос, служанка принялась в деталях перечислять каждое движение Чжун Юня, каждое его слово. Хотя в его жизни не было ничего примечательного — дни проходили монотонно, в лечении ран. Но Янь Лун слушал эти доклады ежедневно, не выказывая усталости.

Шан Сююнь, конечно, знал, что за ним следят, но не придавал этому значения. Сейчас он был слишком слаб для тренировок, поэтому лишь повторял приемы в уме.

Во время нападения на Демонический культ он не брал с собой багаж, поэтому все собранные им редкие травы остались в монастыре. При нем был лишь запас порошков, приготовленных до выхода из Шаолиня. Но он не рассчитывал, что эти средства надолго остановят Янь Луна, особенно в поместье, полном стражи.

Помимо трехразового питания и приема лекарств, он проводил время в медитации, восстанавливая внутреннюю силу. Когда на душе становилось тревожно, он читал сутры, и это приносило покой. Похоже, слова о том, что у монаха должны быть чистыми шесть чувств, имели под собой основание.

Он не знал, что задумал Янь Лун. С момента пробуждения тот ни разу не навестил его, словно в поместье его не было вовсе. Шан Сююнь понимал: это затишье перед бурей.

Он закрыл глаза, наслаждаясь ветерком. В лучах солнца его лицо казалось святым. Вместо монашеского одеяния, которое он бережно хранил, на нем была простая белая одежда.

— Мастер, вы в добром здравии? — Янь Лун вежливо постучал и, получив разрешение, вошел. Позади него двое слуг несли гуцинь, который поставили под цветущим персиковым деревом во дворе.

Шан Сююнь сразу понял: инструмент хоть и лишен духа древности, но сделан мастером. Чжун Юнь немного разбирался в музыке, но не был виртуозом. Сам же Шан Сююнь знал теорию, но никогда не играл. Его знания были плодом скуки в той жизни, когда он «жил» в своей гробнице, наблюдая за людьми, посещавшими место его захоронения, которые со временем превратились в современную больницу...

— Амиабха, все хорошо, — Шан Сююнь мельком взглянул на инструмент и перевел взгляд на Янь Луна.

— Рад это слышать. В последнее время я был занят, но сегодня погода прекрасная, давайте прогуляемся по саду. Позвольте мне оказать вам гостеприимство.

Чжун Юнь кивнул: он был в чужом доме и не мог отказать. Сейчас Янь Лун казался лишь холодным человеком с хорошими манерами. Неудивительно, что он привлекал столько женщин.

Скоро у него появится первая из них — Хань У, самая жестокая и полезная из четырех Защитников. Ее интеллект был таким же, как внешность — «демоническим».

Прогуливаясь по поместью, Шан Сююнь понял, что оно гораздо больше, чем он думал.

Сложная планировка заставила его окончательно отказаться от мыслей о побеге. С виду это был прекрасный сад, но на деле — ловушка.

Янь Лун, как главный герой романа, обладал личным обаянием. Когда он хотел проявить заботу, он был внимателен к мельчайшим деталям. Заметив, что Шан Сююнь не окреп, он замедлял шаг и останавливался, чтобы тот мог отдохнуть. Делал он это ненавязчиво, но так, чтобы Шан Сююнь заметил.

На лице Шан Сююня промелькнула легкая улыбка. Янь Лун был доволен. Даже монах — всего лишь человек, и границы, которые он сам себе поставил, можно нарушить.

Прогулка заняла почти час. Поместье было роскошным, хотя официально принадлежало какому-то богачу, не имевшему отношения к культу.

Вернувшись во двор, Шан Сююнь увидел накрытый под деревом стол с вегетарианскими блюдами. После прогулки аппетит разыгрался, хотя он не подал виду.

— Мастер, не окажете ли мне честь разделить со мной вино? — начал Янь Лун, но тут же осекся. — Простите, конечно же, чай. Чуть не заставил вас нарушить обет, какая оплошность.

— Ами табха, это мне стоит благодарить вас за угощение, — ответил Шан Сююнь. Янь Лун решил пить чай вместе с ним, отказавшись от вина. Это вызывало невольную симпатию. — Господин Лун, зовите меня Цзы Цзюэ.

— Цзы Цзюэ... мастер, — Янь Лун попробовал имя на вкус, скрывая выражение глаз. Чай был превосходным, но ему показался безвкусным, как и вся эта трапеза.

Хань У села за гуцинь. Ее соблазнительное лицо и чистые, но порочные звуки музыки создавали атмосферу, в которой легко было потерять голову. Шан Сююнь молча ел, следуя правилу «за едой не говорят».

Обед прошел внешне мирно, но каждый думал о своем. Янь Лун потирал край чашки, его темные зрачки поблескивали красным. Хань У, закончив играть, встала позади него, не скрывая своей любви. Ее взгляд, брошенный на Шан Сююня, был полон холода. Она смирилась с тем, что Глава уделяет внимание ей, но не могла простить, что из-за него он интересуется кем-то другим — особенно если эта особа, как Тань Юйвэй, может составить ей конкуренцию.

— Мастер, во время выздоровления нельзя перенапрягаться. Если станет скучно, после сутр можете попрактиковаться в игре на гуцине. Это отлично успокаивает ум, — голос Хань У был приторно-сладким.

— Благодарю вас, госпожа.

Хань У почувствовала, словно ударила кулаком в вату. Этот монах вместо молитв будет заниматься музыкой? Но он остался невозмутим. Она не знала, что Чжун Юнь и был таким человеком, а Шан Сююнь, обладая его памятью, вел себя так же.

Шан Сююнь перелистывал книгу, погрузившись в циркуляцию внутренней силы. Чувство, как тело восстанавливается и становится сильнее, вызывало привыкание — сродни жажде знаний в медицине в прошлой жизни.

Книга лежала без дела, ноты не привлекали внимания. Он отложил ее и взял другую — сборник легенд и странных историй. Янь Лун прислал ему все: кисти, бумагу, инструменты, редкие украшения для сада, но ни золота, ни других «мирских» подарков.

Неудивительно, что «хищная» Хань У смотрела на него с такой злобой. Его удивляло другое: почему Янь Лун, вместо того чтобы уничтожать праведников и развивать культ, тратит столько времени на него? Чжун Юнь действительно был тем, кому он хотел отомстить, но это было проще всего — даже без травм он не смог бы оказать сопротивления.

Шан Сююнь встал, положил книгу на стол и вышел из комнаты. Наслаждаясь свежим воздухом, он размялся, повторяя изученные приемы. Тело полностью восстановилось. Интересно, что сделает Янь Лун, если он попросит разрешения уйти? Снова притворится добрым или перейдет к действиям?

<http://bllate.org/book/21693/2237486>